

1. ЗДЕСЬ И ДАЛЕЕ

Мы плаваем в разных морях,
но выходим на тот же берег.
Начинается все всегда с маяка.

Элизабет. BioShock Infinite

1.0

Новая жизнь ничем не отличалась от старой. Заглушив будильник и еще не открыв глаза, Цыпа опросил организм на предмет эйфории и энтузиазма, вызванных вчерашними кардинальными решениями хозяина, — глухо. У организма болела голова, организму не нравилось вставать в половине седьмого, и вот еще что: организму сразу и резко захотелось курить. Причем захотелось в ту же миллисекунду, когда Цыпа вспомнил, как ночью на балконе торжественно выбросил бычок, громогласно назвав его последним, и похлопал после в ладоши, потому что он молодец, хороший парень, это правильное решение и теперь-то все пойдет по-другому. Обязательно. Вот увидишь.

Открыв наконец глаза, Цыпа не увидел ничего в новом свете, все было по-старому: календарь с видами Южного берега слева, почти над головой; в ногах — старый плакат

Сабрины (музыкально она Цыпе никогда не нравилась, но мы-то понимаем, что к чему); справа же, на задней стенке шкафа, которым была перегороджена спальня, — церковная репродукция из журнала «Огонек». Календарь говорил о том, что время идет, Сабрина наводила на мысль, что время прошло, а картинку типа иконы повесила мама.

Когда Цыпе с утра было херовато, он интересовался у Девы Марии с перспективным младенцем на руках, зачем мироздание придумано так нелепо и нельзя ли было обойтись без бодунов в наш век просвещения. Но сегодня все вопросы следовало адресовать себе — если ты решил жить поновому, бросить курить, найти новую работу, то по всем канонам от этого должно стать радостно, ведь это путь просветления, так всегда бывало в кино: все герои, ставшие на путь исправления, обязательно испытывали явное и небывалое воодушевление. Цыпа еще раз тщательно про рентгенил себя в поисках признаков облегчения души, снова ничего не обнаружил, вздохнул, как грустная собака, которая забыла, что недавно ела, и пошел облегчаться. Не душой, так телом.

1.1

Накануне, в самом конце базара, дотошный аудит в лице хмурой бухгалтерши тети Лиды и безымянного плечистого пацанчика на подтанцовке выявил прокурку Цыпой месячного жалования. Так как он торговал сигаретами, то их же и курил, а так как Цыпа был о себе высокого мнения, то потреблял в основном красное «Море»¹, цена пачки которого колебалась в пределах трети-половины маминой пенсии. И курил много, делать-то все равно особо было нечего.

¹ «Море» — крепкие тонкие ароматизированные сигареты, преимущественно женские, супердлинные (120 мм). (Здесь и далее примечание переводчика, если не указано иное.)

Раньше как-то удавалось этот момент запетлять, но в этот раз базарная бухгалтерша взялась за Цыпу крепко. Двадцать минут сверяла накладные с продажными листами, считала блоки, пачки, сигареты поштучно, пересчитывала еще раз, шумно вздыхала и каждый выдох не сулил ничегошеньки хорошего.

— Дима, да ты припух тут, я вижу, — устало скривилась тетя Лида и, повернувшись к охраннику, замахала пачкой накладных у лица, будто жарко ей уже в апреле. — Скажи Рыжему, барыги совсем нюх потеряли!

Резко представив, как парочка таких же плечистых включает мамин уют в розетку, Цыпа моментально объявил, что все это в прошлом, что он бросил курить и теперь товар на лотке будет в целости и сохранности. Что он просто взял сигаретами свою зарплату, уже раскаивается и больше не будет.

Цыпа скорчил самую виноватую рожу, какую только можно, но аудит не велся. И тогда он предложил оштрафовать его на недельную зарплату. «На две», — сказал плечистый парень и тронулся дальше по ряду, а бухгалтерша продолжала что-то говорить, семена сзади и размахивая пачкой бумаг. Стало ясно, что в аудиторской паре за старшего был именно он.

Сосед Филиппыч, который торговал элитным алкоголем типа «Амаретто»¹ и по этой причине был тщательно просчитан первым, проводил их взглядом. «Легко отделался, — улыбнулся он в седые усы и пихнул Цыпу локтем: — Покурим?»

Цыпа рассерженно отмахнулся, он только что расстался с жалованием за шесть недель, и такая суровая ситуация требовала резкого вмешательства. И он вмешался. О да.

¹ Амаретто (от *итал.* amaro — слегка горьковатый) — итальянский ликер, один из первых видов иностранного алкоголя, массово появившийся на рынке стран бывшего СССР.

Тут же. В смеси участвовали: стопарик водки с Филиппычем сразу, полстакашки самогона под подъездом с Костей-Карликом¹, косяк на двоих с ним же, папашин портвешок в пределах ста пятидесяти граммов, половинка джина-тоника, потом термоядерная «Оболонь» и еще один, финальный, полтишок самогошки. В результате дешево и сердито Цыпа дошел до крайнего состояния, в котором пришлось пообещать себе измениться, буквально с утра. Нужно бросать курить, а еще лучше — найти себе новую работу.

Докурив последнюю сигарету из украденной у себя же утром пачки, Цыпа выбросил бычок, закричал на весь двор: «Последний!» — и добавил, чтобы загнать себя в угол обещанием: «Отвечаю!»

1.2

На кухне Цыпа мужественно избежал глазами банку растворимого кофе (связка кофе — сигарета представлялась ему незыблемой, так что пить кофе он тоже, по-видимому, бросил), заварил щепотку каких-то мутных остатков чая и грустно уставился в окно. Светало, пора было идти на базар, распаковываться, но мотивация отсутствовала как таковая: новая жизнь пока начиналась так же грустно, как и старая.

Цыпа попробовал поотжиматься на бицепс спиной к кухонному диванчику, но на скрип явился папаша и прогнал сыночка с крошечной кухни, где даже в моменты семейного воодушевления двум людям было не развернуться. Цыпердюк-старший явно намеревался заварить кофе и закурить, так что младший даже рад был ретироваться подальше от привычных утренних соблазнов.

¹ Костя-Карлик — персонаж фильма «Последнее лето детства», заключительной части кинотрилогии, снятой по романам Анатолия Рыбакова.

Батя к моменту краугольных изменений в окружающей действительности наработал на раннюю пенсию и все собирался оформить еще одну в Севастополе, под второй паспорт. Прошло года три, как он бросил таксовать и окончательно устранился от действительности, сосредоточившись на политике. Покуривая «Ватру» и попивая дешевые чернила, отец поочередно следил за событиями то в Москве, то в Киеве, клял последними словами то Раду, то Совет, оккупировав телевизор с радиоприемником.

После продажи останков машины он вообще прекратил выходить на воздух (только по исключительной потребности), сидел дома и пропускал через себя весь политический шлак. Вот и сейчас он включил Би-би-си и всем своим видом намекал на то, что ему мешают сосредоточиться на жизненно важном и плохом. Цыпа окончательно понял, что счастья не будет, почистил зубы и пошел на базар.

1.3

Ход мыслей был невесел: допустим, можно не курить, можно и кофе не пить, это вообще приличная экономия, но вот что делать дальше? Полное среднее образование сулило ровно те же перспективы, что и два высших, как, к примеру, у Филиппыча, то есть никаких. Можно было стоять на базаре, и то, если сильно повезет: желающих торговать много, а товара — мало. А тех, кто тебе товар на реализацию доверит, вообще единицы. В принципе, неплохо, если только не скуривать товар.

Дворовой консилиум Цыпе откровенно завидовал: лучше торговли сигаретами было только бухло — что толкаешь, то и потребляешь. Но себя надолго не обманешь — никаких доходов Цыпин бизнес не приносил, даже, как видим, наоборот. А ведь казалось, что с базаром сильно повезло: Цыпа метался в пучине мутных времен, всплывая то младшим

грузчиком в «Океане», то учеником кока, а тут завидное место с ходовым товаром.

На базар его пристроила мама, хоть какая-то польза вышла от ее погружения в религию. Попервах выяснилось, что у нее всегда была икона и крестик, просто лежали на антресоли, да так удачно спрятаны, что даже Цыпа во время тщательных поисков «чего б такого продать» не обнаружил. Когда православие сбросило оковы соцреализма, мать стала носить крестик поверх кофты, повесила икону над телевизором и начала ходить в церковь к отцу Валентину, который удачно совмещал распитие спиртных напитков с богослужениями в портовом храме.

Однако недолго — батюшка, бывало, просыпал службы и вообще имел слишком явную историю болезни, так что сходу проиграл конкуренцию новоявленному молитвенному дому Церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Цыпа еще подумал, что про последние дни они тонко подметили.

Эти не то баптисты, не то мормоны появились будто из ниоткуда и быстренько забалабенили из недостроенного военторга храм. Они шли в ногу со временем, приставали к людям на улице, раздавали цветные брошюры и вообще вели, по словам Филиппыча, чья жена Лариса тоже состояла в этой церкви, «агрессивную маркетинговую политику».

В результате отец Валентин растерял большую часть паствы, которой он мог предложить только личный перегар да черно-белые листочки с православным календарем, в котором встречались вопиющие орфографические ошибки типа «воскрисения Хрестова».

Новомодные богомолы настаивали на семейном подходе, но в этом конкретном случае из концепции ничего не получилось: батя сразу снял свою кандидатуру с культпоходов в молитвенный дом, заявив, что это тайный заговор против славянства, а Цыпа ходил всего один раз, после чего косил службу по любому поводу.

Да и то сходил он из чисто культурного интереса, ожидая увидеть там хор развеселых негров в лиловых балахонах, которые, дружно хлопая в ладоши и залихватски раскачиваясь, исполняют какой-нибудь рабовладельческий псалом типа «Когда святые входят в рай». Ничегошеньки подобного — в недостроенном военторге обнаружился ансамбль, состоящий всего из двух музыкантов: какой-то килькообразной гримзы за ионикой¹ и придурка Рома из нашей школы на белом басу.

И все, даже барабанов не было, что по Цыпиному разумению являлось полной дискредитацией идеи. Более того, этот Рома по кличке Полтора Убана был огромных размеров и малого ума. Будучи борцом-вольником, он имел все шансы пристроиться в доходное место вышибалой или солдатом-рэкетиром, а вместо этого давал свои корявые до-соль в песнях о том, как прекрасен мир и сладок Иисус.

Когда они со шпротиной начали исполнять некое подобие песенки «Итс э вандерфул лайф»², Цыпе зримо поплохело: пианистка так коряво лыбилась, что блевать хотелось, а Рома в своем музыкальном образовании явно не ходил дальше ритмов зарубежной эстрады в циничном изложении Сергея Минаева³.

Посреди всего этого постного мероприятия значился какой-то главный дьякон с нехорошим лицом — бегающими глазками и гадким оскалом. Цыпа еще подумал, что такие, как этот баптист, думают, что они самые хитрые, и, случись с таким сидеть в паре в деберц⁴, он сыграет только с двумя полтинниками, и то, это будет читаться по его противной роже. Цыпа бы ему полнаперстка не доверил, не говоря о целом приходе.

¹ Ионика — в просторечии синтезатор. Назван так из-за одноименного электронного клавишного инструмента производства ГДР.

² «Wonderful Life» — хит британской группы «Black».

³ Сергей Минаев — советский музыкант, перепевший массу западных хитов без зазрения совести.

⁴ Деберц — блатная карточная игра.

Что мама в них нашла, было решительно непонятно. Возможно, она просто пыталась, как и все, облокотиться хотя бы на что-то. Цыпа тогда начал строить планы втереться в доверие и слямзить новые фирменные музыкальные инструменты, но тут к маме подошла какая-то женщина и, познакомившись с Цыпой, сказала, что есть работа на базаре. Это и была Лариса, жена профессора, в беседах с которым и приходилось с тех пор ему коротать свои молодые месяцы.

1.4

Было зябко и пасмурно, на ходу Цыпа окончательно «споймал грустного» и принялся жалеть себя, потому что, если вдуматься, мало кому в истории человечества так фатально не повезло с местом и годом рождения, как ему.

Того и гляди, мог сорваться утренний дождик из породы мерзких и холодных. В такую пору хорошо бы похмеляться в теплой компании с какими-нибудь малознакомыми забавными девушками под включенный телевизор, но уж никак не идти мерзнуть на базар, чтобы отрабатывать долги посреди первого приступа никотиновой зависимости.

На подходе к остановке Цыпа увидел, как на заднюю стенку билетной кассы кто-то клеит яркое объявление, в котором зримо читались большие буквы «Ж» и «М». Неужто вместо кассы откроют платную парашу? Не, жизнь, конечно, рвала и метала всех вокруг, но туалет вместо кассы был бы явным перебором.

При ближайшем рассмотрении фигура преобразовалась в одноклассницу Кристину, девушку малосимпатичную, но активную и восторженную, от такой как раз и можно было ожидать расклейки чего угодно в сизую рань. Мама ее была каким-то советским начальством, вот и доченька сначала стала звеньевой, потом председателем совета отряда, потом комсоргом, а дальше понесло: превратилась в активистку

Демократического Союза¹, после чего ударились чуть ли не в Рух², а потом Цыпе уже было несколько не до новостей подобного рода.

— Ой, Димка, — взвизгнула Кристина, как бы одновременно испугавшись при развороте и обрадовавшись неожиданной и ранней встрече.

— Здоровки, — оригинально нашелся Цыпа.

— Ты чего так рано?

— А ты?

— А мы газету новую открываем. — Кристина отступила в сторону, открывая доступ к листочку, на котором, оказывается, значилось: «Житие мое — новая газета для нашего города».

Цыпа скептически осмотрел расклейку и, секундочку поразмыслив, авторитетно выдал:

— Курортников потеряете.

— Это почему?

— По кочану. Написано ж у вас: «Для нашего города». То есть для жителей. А для гостей? Они ж приедут скоро, а вы про них и забыли.

— Аааа, — озадачилась бывшая звеньевая. — Нехорошо как получилось... — расстроилась она, посмотрела на Цыпу, потом на свой листик, еще раз на Цыпу и тут же нашлась: — А ты тоже иди к нам, ты ж это... стенгазету вел?

— Ну, вел. — Цыпа пожал плечами, мол, мало ли что он вел и когда, что ж теперь по первому зову бежать непонятно куда. Еще помолчал, переминаясь с ноги на ногу, а потом как бы нехотя спросил, глядя вдоль трамвайной колеи: — А кто у вас держит это дело?

— Главред, в смысле? Алеша Лысенко.

И по тому, как Кристина улыбнулась, Цыпа сделал вывод: «Влюбилась в этого Алешу, дурочка».

¹ Демократический Союз — первая в СССР вторая партия, оппозиция КПСС (1988).

² Народный Рух Украины — политическая партия (1989).